

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СТИХОВЕДЕНИЕ

100-ЛЕТНИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы
Международной научной конференции
25–27 ноября 2010 года
Санкт-Петербург

Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2010

ББК 83.3
О-82

Оргкомитет конференции:

проректор по направлениям филология и искусства СПбГУ проф. *С. И. Богданов* (председатель), доц., д.ф.н. *Е. В. Хворостьянова* (заместитель председателя), акад. РАН *Н. Н. Казанский*, проф. *О. Ронен*, проф. *И. К. Лилли*, проф. *С. А. Матяш*, проф. *М. М. Гиршман*, проф. *П. Е. Бухаркин*, проф. *С. И. Кормилов*, к. ф. н. *К. Ю. Тверьянович* (секретарь)

Научная редакция

С. И. Богданова, Е. В. Хворостьяновой

Редакторы:

к.ф.н. *К. Ю. Тверьянович, В. С. Кизило*

О-82 **Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития** : материалы Международной научной конференции: 25–27 ноября 2010 г. / под ред. С. И. Богданова, Е. В. Хворостьяновой. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. — 486 с.

ISBN 978-5-8465-1061-6

ББК 83.3

*Издание подготовлено
при поддержке гранта РГНФ
№ 10-04-03422з/Р.*

ISBN 978-5-8465-1061-6

© Филологический факультет СПбГУ, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СТИХА

С. С. Волков, Е. М. Матвеев
(Санкт-Петербург)

Словарь рифм М. В. Ломоносова: лингвистический и стиховедческий аспекты

В 1973 г., оценивая достижения русского стиховедения в изучении рифмы, В. Е. Холшевников писал: «Наши теоретические представления о рифме можно считать в основном сложившимися, но история русской рифмы нам известна только в самых общих чертах <...> Еще более смутны наши представления о рифме отдельных поэтов, даже самых крупных» [Холшевников 1975: 66]. С тех пор ситуация несколько изменилась: появились отдельные словари рифм, представляющие собой базу для исследования тех или иных «узловых точек» истории русской рифмы [Shaw 1974; 1975-I; 1975-II; Бабакин 1998; 2000-I; 2000-II; 2001; 2002; 2004; Лазоркина 1998; 2001; Максимова 1997; Бородин, Шайкевич 1981]. Однако до сих пор универсальный комплексный метод исследования рифмы — создание рифменных словарей — не применялся к русской поэзии XVIII столетия; хотя существует немало весьма авторитетных научных работ о рифме XVIII в. [см., напр.: Томашевский 1959-I; Жирмунский 1966; 1975; Западов 1969; Холшевников 1989; 1991; Самойлов 1973; Гаспаров 1984; Worth 1972], на сегодняшний день нет словарей рифм даже таких крупных поэтов XVIII в., как М. В. Ломоносов или Г. Р. Державин. Проект создания словаря рифм М. В. Ломоносова, работа над которым с 2008 г. ведется в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН в сотрудничестве со стиховедческой группой филологического факультета СПбГУ, призван восполнить этот пробел¹.

¹ Проект осуществляется под общим руководством акад. РАН Н. Н. Казанского. В работе принимают участие С. С. Волков, О. С. Лалетина, Е. М. Матвеев, Е. В. Хворостьянова.

Исследование полного корпуса стихотворных произведений со стиховедческой точки зрения является одним из возможных путей целостного осмысления художественного языка всего поэтического наследия того или иного автора. Продуктивность такого подхода к поэтике Ломоносова была недавно продемонстрирована стиховедами Петербургского университета, подготовившими метрико-строфический справочник к поэтическим произведениям М. В. Ломоносова [Лалетина, Хворостьянова 2008]. В нем, в частности, развенчивается распространенный в науке миф о крайней ограниченности метрико-строфического репертуара Ломоносова. Оказывается, что стиховые формы в поэзии Ломоносова поразительно разнообразны: использованных Ломоносовым моделей стиха (то есть комбинации размера, строфического строения, порядка чередования рифм и окончаний) более 100 [Лалетина, Хворостьянова 2008: 105].

Проект создания словаря рифм является следующим этапом целостного исследования поэтического языка М. В. Ломоносова. Будучи соотнесен, с одной стороны, с метрико-строфическим справочником, словарь рифм, с другой стороны, теснейшим образом связан с утвержденным Президиумом РАН большим научно-исследовательским и лексикографическим проектом «Словарь языка М. В. Ломоносова», работа над которым началась в ИЛИ РАН под руководством Н. Н. Казанского и С. С. Волкова в 2003 г.² В словаре рифм Ломоносова используются данные метрико-строфического справочника — система индексов и условных обозначений, принятая в нем, информация о метрическом и строфическом строении поэтических текстов Ломоносова, данные об объеме и составе его оригинального и переводного творчества. Кроме того, словарь и справочник обладают общей эмпирической базой — в обоих изданиях учтены все тексты, включенные в VIII том ПСС [Ломоносов 1959], а также некоторые поэтические произведения, помещенные в VII и XI томах ПСС [Ломоносов 1952; 1983]; кроме того, было учтено стихотворение, обнаруженное С. И. Николаевым в июльском номере журнала «Праздное время в пользу употребленное» за 1759 г.³

² Таким образом, готовящийся словарь рифм М. В. Ломоносова соответствует тем базовым задачам словарей рифм, которые были сформулированы (на примере словаря рифм А. С. Пушкина) еще В. Е. Холшевниковым: «Словарь рифм Пушкина <...> должен дополнить исследования, описывающие метрику и строфику поэта. В то же время он должен быть соотнесен и с работой иного профиля — словарем языка Пушкина» [Холшевников 1975: 66].

³ Подробнее см.: [Лалетина, Хворостьянова 2008: 67–69].

Связь словаря рифм с готовящимся словарем языка Ломоносова выражается в единых параметрах лексикографического описания — принципах вычленения лемм и фиксации внутрисловных вариантов и омонимов. В работе над словарем рифм использовались подготовленная сотрудниками отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» электронная текстотека произведений Ломоносова и полный электронный лемматизированный конкорданс.

В готовящемся издании словаря рифм М. В. Ломоносова, новаторском и экспериментальном, учтен опыт существующих научных, нормативных и популярных словарей рифм. Ряд принципов построения лексикографической модели словаря объединяют его со словарями Т. Шоу, однако некоторые характеристики рифмы, введенные Шоу, не учитываются или учитываются по-другому (так, напр., отсутствует вызывавшая сомнения у исследователей [Баевский 1991: 73] категория «морфолого-синтаксического контраста», в основной части словаря не фиксируются длинные рифменные цепи, но лишь рифмопары и т. д.). С другой стороны, перечень параметров описания расширен за счет отсутствующих у Шоу характеристик рифмы — метрического и строфического контекстов⁴.

Основной характеристикой описываемой в словаре рифмы является рифменный сегмент (часть конечного слова стиха, которая участвует в создании рифменного созвучия). При вычленении рифменного сегмента мы встречаемся с рядом практических трудностей.

Первая сложность касается вопросов соотношения фонетики и орфографии. Во всех научных определениях понятия «рифма» подчеркивается, что рифма есть явление фонетическое, «звуковой повтор» [Жирмунский 1922: 91; Жирмунский 1975: 246; Томашевский 1959-II: 406; Гаспаров 2003: 878]. Однако получить корректную фонетическую транскрипцию рифменного сегмента на основании письменного текста XVIII в. можно далеко не во всех случаях — существующие в работах по исторической фонетике и истории русского стиха попытки реконструировать способы произнесения поэтических текстов зачастую носят гипотетический характер. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, произносились ли стихи всех жанров согласно фонетическим нормам высокого слога⁵ и в какой степени эти нормы высокого слога соответ-

⁴ Эти характеристики предлагал учитывать В. Е. Холшевников, создавая план словаря рифм А. С. Пушкина [Холшевников 1974: 9–10; 1975: 70].

⁵ Ср., напр., противоположные мнения по этому вопросу у М. В. Панова и В. А. Запалова, подкрепленные также противоположными суждениями об одном из спорных вопросов произносительной нормы XVIII столетия: «В первой половине XVIII в. всякое

вовали нормам книжнославянского языка. По ряду вопросов произносительной нормы среди исследователей нет единства, как не было его и у самих поэтов XVIII в. Так, напр., М. В. Панов, обобщая взгляды Ломоносова на произношение буквы *г*, писал: «По мнению Ломоносова, в одних словах надо произносить [γ], в других — [г]; эти две фонемы не были стилистическими заместителями, двойняшками, а распределялись по словам <...> Ломоносова беспокоило, однако, что твердых норм распределения нет; и трудно бывает решить, как данное слово произносится: с [γ] или с [г] (в позициях оглушения соответственно с [x] или [к])» [Панов 2007: 297]⁶. Сомнения закрадываются даже в самых, казалось бы, очевидных случаях: не случайно еще В. В. Виноградов, говоря о тенденции к оканью как о произносительной норме высокого слога, приводил по большей части «косвенные свидетельства» [Виноградов 1938: 102]⁷.

Вторая трудность, возникающая при вычленинии рифменного сегмента, — это вопрос о его границе. Для того чтобы решить этот вопрос, необходимо рассмотреть его с учетом контекста эпохи, понять, что представляла собой рифма в русской поэзии XVIII в. в целом и каковы были требования к рифме поэтов XVIII столетия. В самом общем виде эти проблемы описаны в «Очерке истории русского стиха» М. Л. Гаспарова. В требованиях к рифме в XVIII в. (как и в требованиях к другим стиховым составляющим) господствует принцип «рационального самоограничения». В аспекте фонической точности XVIII в. — это период

стихотворное произведение было рассчитано на небывовую фонетику. И трагедия, и басня <...> Под ударением, после мягкого согласного, не произносится гласный [’о]» [Панов 2007: 322, 323]; «Ломоносов в баснях и сатирических стихотворениях старался выдержать ё, в произведениях среднего штиля чередовал разговорные и книжные рифмы (с преобладанием последних), в высоких жанрах, за редким исключением, употреблял книжные формы с е» [Заладов 1969: 25–26].

⁶ В «Российской грамматике» Ломоносов отмечал, что произношения буквы *г* как [γ], которое «осталось от славянского языка», следует придерживаться «особливо в косвенных падежах речения Богъ <...> в речениях: Господь, глась, благо и в их производных и сложенных: государь, государство, господинь, господствую, разглашаю, благодать, благословляю, благодарю и проч.» [Ломоносов 1952: 426]. Свое «беспокойство» по поводу принципов распределения фонем [γ] и [г] Ломоносов выразил в специальном стихотворении, написанном в процессе работы над «Российской грамматикой» — «О сомнительном произношении буквы *г* в Российском языке» (подробнее о нем см., в частности: [Успенский 1994: 143–144]).

⁷ По мнению В. В. Виноградова, одно из этих «косвенных свидетельств» — указание самого Ломоносова на близость старославянского языка и «поморского диалекта» [Виноградов 1938: 102]. Отметим, что вопрос возможного влияния на поэтический язык Ломоносова его родного архангелогородского диалекта абсолютно не исследован.

канонизации точной рифмы. Идеальной считалась рифма и фонически, и графически точная: *мил — пленил, высокой — глубокой*. Однако в некоторых случаях фонетическое совпадение могло быть и приблизительным: точными считались рифмы типа *мал — мял, лед — бьет, был — бил*; кроме того, допускались йотированные усеченные рифмы типа *Анны — пространный*, считавшиеся поэтической вольностью [Гаспаров, 2002: 88–92].

Итак, в целом XVIII в. — это период господства точных рифм. При чем точность рифмы часто усиливалась совпадением предударных звуков в рифме (так называемых «опорных согласных»), в результате чего получались рифмы богатые (*блеск — плеск*) и глубокие (*божество — торжество*). Для мужских открытых рифм богатство рифмы со временем даже превратилось в правило. Любопытно, что это правило «сформировалось» именно в поэзии Ломоносова. Гаспаров отмечает, что в ранних одах Ломоносов «держался немецкой традиции: рифмы “весны-тьмы”, “зари-огни”, “земли-реки”» [то есть без совпадения предударных согласных — *С. В., Е. М.*] <...> но, начиная с 1743 г., <...> отказывается от мужских открытых без опорного, и они мелькают у него лишь редкими рецидивами» [Гаспаров 2002: 92].

Помимо «классических» точных рифм в поэзии Ломоносова встречаются более сложные примеры созвучий, имеющих непосредственное отношение к рифме. И здесь нужно рассмотреть две группы явлений: 1) созвучия, усиливающие точность рифмы, и 2) созвучия, ослабляющие точность рифмы.

1. Созвучия, усиливающие точность рифмы:

а) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, парные по звонкости-глухости: *пойдут — цветут, возглашали — подражали, вседержитель — нарушитель, солдат — хотят, мудрейший — острейший* и др.;

б) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, парные по твердости-мягкости: *пишу — ищу*;

в) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, сходные по какому-либо фонетическому признаку, напр.:

— по признаку места образования: *обид — вид* (губные), *дверь — зверь* (переднеязычные), *клокочет — хочет* (заднеязычные);

— по признаку способа образования: *доброт — щедрот* (смычные), *весны — тьмы* (сонорные).

В некоторых случаях такие примеры осложняются факторами произносительных норм XVIII в.: напр., неочевидно, как произносилось в

рифмопаре *другу —верху* слово «другу» — с [г] или с [γ] (см. выше).

г) «дистанционные совпадения» отдельных согласных, гласных и групп звуков в рифмующихся словах: *рвет — ржет, полях — полках, десницу — денницу, лежащих — летящих, парящий — палящий, скрыла — сила, мозгу — низу* и др.⁸

Иногда звуковое сходство рифмующихся слов настолько велико, что они отличаются только одним звуком: *подобну — подробну, злился — залился, ограда — отрада*. В некоторых случаях наблюдаются сочетания нескольких факторов: созвучие согласных, сходных по признаку места образования, и «дистанционные совпадения»: *рабы — рвы*.

Такого рода звуковые, в некоторых случаях фоносемантические, уподобления друг другу «рифмослов» являются одной из наиболее ярких черт ломоносовских рифм, которые часто оказываются не звуковыми подобиями конечных слогов, а звуковыми подобиями конечных слов. На такие созвучия, свойственные рифмующимся словам в поэзии Ломоносова, обратил внимание еще Ю. Н. Тынянов, отметивший в статье «Ода как ораторский жанр», что «рифмы Ломоносова являются не звуковыми подобиями конечных слогов, а звуковыми подобиями конечных слов, причем решает здесь, по-видимому, семантическая яркость тех или иных звуковых групп, а не подобие конечных слогов [Тынянов 1977: 239].

2. Созвучия, ослабляющие точность рифмы.

а) примеры неточных рифм, а именно ассонансные рифмы, напр.: *Своим — Константин, снег — след*;

б) приблизительные рифмы: *нежной — прежней*;

в) рифменная рокировка звуков, при которой звуки первого слова рифмопары повторяются во втором слове в обратном порядке: *ковы — рвы, огни — гони, талант — атлант*.

Все эти явления крайне затрудняют, с одной стороны, ответ на теоретический вопрос о том, что же все-таки, имея в виду стих XVIII в. в целом, следует называть рифмой, и, с другой стороны, ответ на практический вопрос: по каким принципам выделять рифменные сегменты для описания рифм в словаре М. В. Ломоносова?

На первый вопрос аргументированно ответить пока не представляется возможным, поскольку делать обобщающие выводы о рифме XVIII в.

⁸ В некоторых случаях в таких дистанционных созвучиях принимает участие предлог, составляющий единое фонетическое слово вместе с рифмующимся: напр.: *вой — в бой, отрада — от стада*.

в целом можно будет только после того, как будут созданы словари рифм, по крайней мере, ключевых поэтов этой эпохи. Что касается задачи описания рифм в словаре Ломоносова, то для ее решения были выработаны следующие правила вычленения рифменных сегментов:

1. Сегмент выделяется по орфографическому принципу (только на основе написания). Помимо чисто практического удобства этого принципа, следует сказать, что он имеет отношение к восприятию рифмы поэтами XVIII в., когда существовало особое понятие, подчеркивающее важность графики, — «рифма для глаза»; часто «в угоду графической точности искажалась орфография: брался редкий или изобретался новый орфографический вариант (“слышешь — пишешь”, “нада — рада”, “спокоен — достоин” и пр.)» [Гаспаров 2002: 91].

2. В рифмованном стихе рифменный сегмент выделяется не для рифмопары, а для каждого из рифмующихся слов отдельно. Так, напр., в рифмопаре *пленил — забыл* для слова «пленил» выделяется сегмент ИЛ, для слова «забыл» — сегмент ЫЛ, в рифмопаре *виноград — бежат* для слова «виноград» выделяется сегмент АД, для слова «бежат» — АТ, в рифмопаре *пленил — проронил* для обоих слов выделяется сегмент НИЛ. Для безрифменных окончаний под рифменным сегментом понимается часть конечного слова стиха от ударной гласной до конца слова.

3. С учетом орфографического принципа все приблизительные созвучия согласных (включая и парные согласные по звонкости-глухости), а также «дистанционные совпадения» звуков в рифмующихся словах, о которых шла речь выше, в рифменный сегмент не входят: для обоих слов рифмопары *клокочет — хочет* выделяется сегмент ОЧЕТ; для обоих слов рифмопары *весны — тьмы* — сегмент Ы; в рифмопаре *другу — верьху* — сегмент У; в рифмопаре *скрыла — сила* для слова «скрыла» выделяется сегмент ЫЛА, для слова «сила» — ИЛА; в рифмопаре *десницы — денницы* для обоих слов выделяется сегмент НИ-ЦЫ. Преимущество такого подхода заключается в том, что при анализе словаря все отмеченные примеры усиливающих точность рифмы созвучий можно будет рассматривать на фоне других случаев. Так, напр., на первый взгляд кажется, что именно мужские открытые рифмы (типа *весны — тьмы*) требуют некоей компенсации своей недостаточности. Если все подобные рифмы окажутся в словаре рядом (в данном случае — на сегмент Ы), то данную гипотезу будет легче подтвердить либо опровергнуть.

4. Для спорных случаев предлагается использовать такой же принцип, какой используется для безрифменных окончаний: под рифменным

сегментом понимать часть конечного слова стиха от ударной гласной до конца слова. Напр., в рифмопаре *Своим — Константин* для слова «Своим» выделяется сегмент ИМ, для слова «Константин» — ИН, в рифмопаре *ковры — рвы* для обоих слов выделяется сегмент Ы.

Одной из важнейших характеристик рифмы является ее грамматическое строение. В основу грамматического описания слов, стоящих на рифменной позиции, в словаре рифм М. В. Ломоносова были положены принципы, разработанные в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка, в котором впервые был предложен системный подход к описанию грамматических парадигм [Зализняк 1980]. Согласно этим принципам, «с точки зрения словоизменения, основным делением слов является их деление на грамматические разряды <...> Деление слов на грамматические разряды тесно связано с традиционным делением на части речи, но не совпадает с ним; напр., все неизменяемые части речи образуют один грамматический разряд» [Зализняк 1980: 4, 6] (возможна и обратная ситуация, когда слова, относящиеся к одной части речи, попадают в различные грамматические разряды, напр., числительные или местоимения). В соответствии со словарем А. А. Зализняка морфологическая характеристика слов в словаре рифм объединяет деление на грамматические разряды и традиционную классификацию частей речи. В словаре рифм выделены следующие «грамматические группы» слов: существительные, прилагательные, числительные, числительные-прилагательные, местоимения, местоимения-прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, формы сравнительной степени, предикативы, предлоги, союзы, частицы, междометия и вводные слова. При грамматической квалификации «рифмослов» составители словаря столкнулись с рядом сложностей, вызванных как особенностями словоупотребления М. В. Ломоносова, так и — главным образом — динамическим состоянием фонетической и грамматической систем русского языка XVIII в. в целом⁹. Среди практических трудностей, возникших при грамматическом описании слов, находящихся на рифменной позиции, — проблема разграничения адъективированных и «полноценных» причастий (*благословенный, восхищенный* и др.), наречий и сочетаний суще-

⁹ Н. А. Мещерский характеризовал XVIII в. как переходный период, период «постепенного установления и образования всесторонних норм современного литературного языка» [Мещерский 1981: 20]. В. В. Виноградов, описывая русский литературный язык первой половины XVIII в., говорил о «зыбкости фонетической системы», «широте и свободе грамматических (морфологических) колебаний в литературной речи», «стилистической пестроте и неорганизованности в сфере синтаксиса» [Виноградов 1938: 64, 65].

ствительного с другой частью речи, особенно при наличии различных орфографических вариантов (*сто крат — стократ, во веки — вовеки, тот час — тотчас, без счота — бессчета* и др.), наличие диалектных форм («Вас храбрость над луной поставит / И в тех землях меня прославит, / О коих ныне нигде нечуть» [Ломоносов 1959: 36]). При решении спорных грамматических вопросов составители обращались к словарям, фиксирующим языковую реальность XVIII в. ([Словарь русского языка XVIII в. 1984–2007; Словарь Академии Российской 1789–1794; Словарь церковнославянского и русского языка 1847]).

* * *

Создание словаря рифм М. В. Ломоносова открывает широкий спектр возможностей для разнообразных филологических исследований. Рифма является особо важным элементом, сильной позицией поэтического текста. Помимо этого, она, как и другие компоненты лингвистики стиха (ритм в узком смысле, членение стиха на строки и строфы), обладает двойственной «природой»: во-первых, ее особенности обусловлены языком, во-вторых, — эстетическими задачами поэта. Таким образом, анализ системы рифм М. В. Ломоносова позволит обратиться сразу к нескольким аспектам исследования русской словесности XVIII в., — с одной стороны, к стиховедческому и историко-литературному (прояснение истории русской рифмы XVIII в. на одном из важнейших этапов становления новой русской поэзии и формирования поэтического языка, а также выявление индивидуально-авторских особенностей рифмы Ломоносова), а с другой стороны, к лингвистическому (рассмотрение рифмы с лексической и грамматической точек зрения, с позиций истории русского языка, в том числе исторической фонологии). Особенно перспективным в данном аспекте представляется создание идеографической классификации «рифмослов» Ломоносова, важных для описания ментального лексикона поэта, а затем, возможно, и создание словаря поэтического языка М. В. Ломоносова.

Литература

- Бабакин 1998 — Словарь рифм Иосифа Бродского / сост. А. Бабакин. Тюмень, 1998.
- Бабакин 2000-I — Словарь рифм Марины Цветаевой / сост. А. Бабакин. Тюмень, 2000.
- Бабакин 2000-II — Словарь рифм Евгения Евтушенко / сост. А. Бабакин. Тюмень, 2000.

- Бабакин 2001 — *Словарь рифм Роберта Рождественского* / сост. А. Бабакин. Тюмень, 2001.
- Бабакин 2002 — *Словарь рифм Беллы Ахмадулиной* / сост. А. Бабакин. Тюмень, 2002.
- Бабакин 2004 — *Словарь рифм Бориса Пастернака* / сост. А. Бабакин. Тюмень, 2004.
- Баевский 1991 — *Баевский В. С.* Справочные труды по поэзии Пушкина и его современников // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 24. СПб., 1991.
- Бородин, Шайкевич 1981 — *Словарь рифм М. Ю. Лермонтова* / под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича // *Лермонтовская энциклопедия*. М., 1981.
- Виноградов 1938 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938.
- Гаспаров 1984 — *Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы // *Проблемы теории стиха*. Л., 1984.
- Гаспаров 2003 — *Гаспаров М. Л.* Рифма // *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2003.
- Жирмунский 1922 — *Жирмунский В. М.* Поэзия Ал. Блока. Пб., 1922.
- Жирмунский 1966 — *Жирмунский В. М.* О русской рифме XVIII в. // *Роль и значение XVIII в. в истории русской культуры*. М.; Л., 1966.
- Жирмунский 1975 — *Жирмунский В. М.* Рифма, ее история и теория // *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.
- Зализняк 1980 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 2-е изд., стереотип. М., 1980.
- Западов 1969 — *Западов В. А.* «Способ произношения стихов» и русская рифма XVIII в. // *Проблемы жанра в истории русской литературы*. Л., 1969.
- Лазоркина 1998 — *Лазоркина Н. Ф.* Словарь рифм романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Смоленск, 1998.
- Лазоркина 2001 — *Лазоркина Н. Ф.* Словарь рифм поэмы А. Т. Твардовского «Василий Теркин». Смоленск, 2001.
- Лалетина, Хворостьянова 2008 — *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* Метрика и строфика М. В. Ломоносова // *Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов*. СПб., 2008.
- Ломоносов 1950–1983 — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1950–1983.
- Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952.
- Ломоносов 1959 — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В. 11 т. Т. 8. М.; Л., 1959.
- Ломоносов 1983 — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В. 11 т. Т. 11. Л., 1983.
- Максимова 1997 — *Максимова Т. Ю.* Словарь рифм А. А. Блока // *Российский литературоведческий журнал*. 1997. № 9.
- Мещерский 1981 — *Мещерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981.
- Панов 2007 — *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2007.
- Самойлов 1973 — *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. М., 1973.
- Словарь Академии Российской 1789–1794 — *Словарь Академии Российской*: В 6 ч. СПб., 1789–1794.

- Словарь русского языка XVIII в. 1984–2007 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–17. СПб., 1992–2007.
- Словарь церковнославянского и русского языка 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.
- Томашевский 1959-I — *Томашевский Б. В.* К истории русской рифмы // Томашевский Б. В. Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959.
- Томашевский 1959-II — *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
- Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Холшевников 1974 — *Холшевников В. Е.* Инструкция к составлению словаря рифм А. С. Пушкина. СПб., 1974.
- Холшевников 1975 — *Холшевников В. Е.* О словаре рифм Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л., 1975.
- Холшевников 1989 — *Холшевников В. Е.* Из истории русской рифмы: от Ломоносова до Лермонтова // Русская литература. 1989. № 2.
- Холшевников 1991 — *Холшевников В. Е.* Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова // Холшевников В. Е. Стихovedение и поэзия. Л., 1991.
- Shaw 1974 — *Shaw J. Th.* Pushkin's rhymes: a dictionary. Madison, 1974.
- Shaw 1975-I — *Shaw J. Th.* Batiushkov: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry. Madison, 1975.
- Shaw 1975-II — *Shaw J. Th.* Baratynskij: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry. Madison, 1975.
- Worth 1972 — *Worth D. S.* On 18th-century Russian rhyme // Russian literature. 1972. № 3.

М. М. Гиришман
(Донецк, Украина)

Принцип единства филологии в стиховедении: в развитие написанного в 1985 г.

В предлагаемой работе рассматривается нарастающая актуальность утверждения о том, что «в стиховедении особенно рельефно представлена необходимость истинно филологического сотрудничества литературоведа, лингвиста и эстетика. Это не значит, конечно, что каждый стиховед должен быть и тем, и другим, и третьим, но он должен осознавать необходимость этих взаимосвязей и методологических переходов, отстаивать понимание и взаимопонимание в противовес обособлению и последующей борьбе за первенство отдельных составляющих сторон этого стиховедческого целого» [Гиришман 1985: 68].